

Глава 13

Больше десяти дней вся деревня только и делала, что перемывала косточки семейству Чжан. Стоило соседям сойтись вместе, как разговоры тут же сворачивали к событиям в их дворе.

— Слыхали? Госпожа Тянь с самого утра выла, а в полдень снова принялась голосить.

— Неужто Да-ню опять курицу зарезал?

— Да нет, в этот раз он рис затирает. Аромат стоял такой, что даже до моего дома долетел!

Через пару дней госпожа Тянь снова собрала узлы и сбежала к матери, а Чжан Чжуцзы бросился вдогонку. Это случилось уже в третий раз, и хотя сельчане привыкли к подобному зрелищу, они всё равно с упоением смаковали подробности. Раньше эта женщина сама любила посмеяться над чужими бедами, а теперь пришел и её черед стать посмешищем.

Одни злорадствовали, считая, что она получила по заслугам, другие же жалели бедолагу, ворча, что Да-ню не стоит так изводить мать — не дело это, переводить кур да белый рис, когда в других домах такое и по праздникам не всегда видят.

— И чего её жалеть? — сердито ворчал Син-гэ'эр. — Самое время сыну её немного проучить.

Он до сих пор помнил, как еще до свадьбы госпожа Тянь при всех заявила, что у него «зад узкий, наследников не дождешься». Тогда парень проплакал весь вечер — он ведь еще не был замужем, и спорить о таких вещах значило окончательно сгубить репутацию.

Теперь, видя, как Да-ню треплет матери нервы, Син-гэ'эр не скрывал радости. Каждую новую сплетню он первым делом бежал пересказать Ли Чжоучжоу, зная, что тот тоже натерпелся от злой соседки.

Юноша понимал чувства друга, но, в отличие от него, быстро терял интерес к чужим дразгам. Он не злорадствовал, просто считал, что жизнь в чужом доме — это их личное дело, и не хотел тратить силы на пустую болтовню.

— Через пару дней я собираюсь в город, — прервал он очередной восторженный рассказ приятеля. — Ты со мной?

— Ох, и вправду! — Син-гэ'эр мгновенно переключился на новую тему. — Если сейчас не съездим, то после первого снегопада дороги совсем развезет. Помнишь, в прошлом году когда завалило? Кажется, как раз в это время три дня кряду мело. Соли дома почти не осталось... Но вот сладости и сухофрукты к празднику покупать, пожалуй, рановато?

Он принялся загибать пальцы, бормоча под нос:

— Еще нужно купить хлопковой ткани. До Нового года меньше месяца осталось, хочу успеть сшить Юаньюаню обновку. Если бы ты не напомнил, я бы и не заметил, как время летит. Совсем закрутился.

Юаньюаню, сыну Син-гэ'эра, еще не исполнилось и года — он родился на прошлый праздник Фонарей. С наступлением холодов отец почти не выносил малыша на улицу.

Закончив со своими планами, парень вдруг замолчал и покосился на живот друга:

— Ну а у тебя... есть новости?

— Какие новости? — Чжоучжоу прекрасно понял, о чем речь, но из скромности предпочел сделать вид, что не догадывается.

Син-гэ'эр хмыкнул:

— Ишь, прикидывается! Ладно, дело это небыстрое. Я когда замуж вышел, больше года ничего не получалось. Свекровь тогда извелась вся, то и дело намеками колола... Тебе только скажу — до смерти она меня тогда довела своими расспросами. Хорошо хоть муж помалкивал. А потом, видишь, забеременел.

Он знал, что Ли Чжоучжоу — человек скрытный и лишнего не сболтнет, поэтому позволял себе иногда пожаловаться на свекровь. Та до сих пор припоминала ему слова госпожи Тянь о «трудном зачатии», и Син-гэ'эр затаил эту обиду глубоко в сердце.

— Ладно, заболтался я. Как соберешься в город — заходи за мной. Пойду я, холодает.

Подхватив таз с бельем, он поспешил к своему дому. Ли Чжоучжоу кивнул ему на прощание и тоже направился к воротам.

Запасы костей для бульона почти иссякли, да и курицу, зарезанную десять дней назад, давно съели. В этот раз в городе нужно было закупиться основательно: взять побольше костей и...

Вспомнив недавние слова мужа, юноша почувствовал, как теплеют кончики ушей. Нужно было не забыть купить побольше сушеных фиников.

За обедом Чжоучжоу сказал отцу, что хочет съездить в город. Ли Да кивнул:

— Поезжай пораньше. Чует мое сердце, снег в этом году выпадет рано.

— Тогда я сегодня же договорюсь с Син-гэ'эром, чтобы завтра на рассвете выйти.

Гу Чжао тут же состроил жалостливую мину, всем своим видом вопрошая: «А как же я? Неужели ты меня не возьмешь?». Тесть демонстративно отвернулся, делая вид, что не замечает этого ребячества зятя. Ли Чжоучжоу, не в силах сопротивляться обаянию маленького мужа, тихо произнес:

— Муж, на улице мороз, да и темнеет сейчас быстро. Мы с другом пойдем налегке, обернемся туда и обратно в один миг.

Гу Чжао понимал, что его выносливость оставляет желать лучшего, и он будет только обузой, но не мог упустить случая немного подразнить супруга.

— Чжоучжоу, я буду очень по тебе скучать.

Ли Чжоучжоу невольно улыбнулся. Его муж порой и впрямь вел себя как ребенок.

— Я куплю тебе сладостей, когда вернусь.

— Я ведь не дитя, чтобы сладостями меня баловать, — с напускной серьезностью ответил Гу Чжао.

— Хорошо-хорошо, — покладисто согласился Чжоучжоу, словно и впрямь уговаривая ребенка.
— Мой муж — взрослый человек. Не хочешь сладостей — куплю что-нибудь другое.

Видя этот покровительственный тон, Гу Чжао шутливо прильнул к плечу супруга:

— Ты всё-таки считаешь меня маленьким!

Глядя на эти нежности, Ли Да почувствовал, как у него сводит зубы. Быстро доев свою порцию, он пробормотал: «Пойду пройду», — и, оставив чашу на кухне, поспешил со двора.

— Неужто отец на меня рассердился? — обеспокоенно спросил молодой ученый.

Чжоучжоу покачал головой:

— Нет, что ты. Он просто... просто...

— Просто ему неловко смотреть, как я к тебе липну, — закончил за него Гу Чжао, не отстраняясь. — Но что поделать, если мне так нравится быть рядом с тобой? Тебе ведь это не в тягость, Чжоучжоу?

Сердце юноши окончательно растаяло. Сгорая от смущения, он тихо, но твердо ответил:

— Нет. Мне это нравится.

Прибравшись после обеда, Чжоучжоу собрался к Син-гэ'эру.

— Это недалеко, — сказал он мужу. — Его дом стоит на холме, выше того места, где мы воду берем. Нужно подняться по тропинке в гору.

— Зато им за водой ходить удобно, — припомнил Гу Чжао. По его расчетам, быстрым шагом супруг доберется туда минут за пять.

Заварив мужу свежего чая, Ли Чжоучжоу отправился в путь.

Семья мужа Син-гэ'эра, Ваны, считалась в деревне зажиточной. У Вана-старшего было двое сыновей и дочь. Дочь выдали замуж вскоре после того, как в дом вошел невестка-гэ'эр, а братья остались жить с родителями под одной крышей. Семья была большая и шумная.

Двор Ванов поражал своими размерами. Если кухня и амбары были сложены из самана, то жилые постройки красовались добротным кирпичом под черепицей. В главном доме жили старики со старшим сыном, а для Син-гэ'эра и его мужа пристроили отдельный флигель позади.

На стук Чжоучжоу вышла невестка старшего брата, госпожа Сюй.

— Чжоучжоу! Проходи скорее в дом, на улице стужа такая! — радушно встретила она его.

— Здравствуйте, невестка. Я к Син-гэ'эру, словом перемолвиться.

Из главной комнаты донесся голос:

— Кто там пришел?

— Матушка, это Чжоучжоу к нашему младшему! — отозвалась госпожа Сюй.

В ответ воцарилось молчание. Госпожа Сюй понимающе улыбнулась и добавила:

— Син-гэ'эр в задних комнатах с ребенком возится. Проводить тебя или сам найдешь?

— Не утруждайтесь, я сам дойду.

Ли Чжоучжоу редко бывал в гостях у друга. Он чувствовал, что свекровь Син-гэ'эра его недолюбливает, и старался лишней раз не попадаться ей на глаза, чтобы не навлекать на друга упреки.

— Я еще из комнаты услышал, как невестка твое имя кричит! — Син-гэ'эр высунулся в дверной проем. — И впрямь ты! Заходи скорее, чего на холоде стоишь?

— Отец говорит, погода портится, так что я решил ехать в город завтра. Зашел спросить, в силе ли наш уговор.

Хозяин флигеля мгновенно согласился. Домашние дела могли и подождать, а присмотреть за малышом он попросит госпожу Сюй — та никогда не отказывала.

— Зайди хоть присядь. Мужа дома нет, только мы с Юаньюанем.

В комнате было жарко — кан протопили заранее. Юаньюань, которому скоро должен был исполниться год, сидел на одеялах, похожий на пышный белый пельмень. Глядя на этого карапуза, Чжоучжоу невольно улыбнулся. Друг насыпал на низкий столик горсть семечек и налил гостю воды.

— Гляди, какой забавный! Уже пузыри пускает.

— Чудесный малыш, — Ли Чжоучжоу ласково посмотрел на ребенка, но трогать не стал — побоялся остудить его холодными руками.

Син-гэ'эр так и просиял от похвалы.

— То-то же! А его отец хотел назвать его каким-нибудь «Чурбаном» или «Железным Быком». Тьфу! Мы не такие. Мы — Юаньюань, наш маленький круглый колобок, — он принялся развлекать сына погремушкой.

Деревенским детям часто давали грубые «обережные» имена — Хэ-тоу, Те-дань, Нью-дань, Шуаньцзы... Крикни такое на улице — и обернется полдеревни. Но Син-гэ'эр в душе был горд и не желал своему сыну такого простого имени.

Они просидели за разговором около часа. В основном говорил хозяин дома, а гость слушал. Друг жаловался на мелкие семейные неурядицы: то свекровь попрекнет лишней ложкой сахара в каше для внука, то начнет придирается по пустякам.

— ...Завтра куплю сладостей и первым делом угощу невестку, — делился планами Син-гэ'эр. — Свекровь-то всегда мужа моего выделяла, хотела ему жену покорную найти, вроде госпожи Сюй, а он на мне взгляд остановил. Вот она с первого дня и ворчит, что я гэ'эр — и готовлю я не так, и огонь не так развожу. Если бы не добрая душа старшей невестки, совсем бы житья не было. Тебе в этом плане легче — сам себе хозяин, отец не вмешивается, да и муж примаком вошел, слова поперек не скажет...

Ли Чжоучжоу до этого момента молчал, но тут не выдержал:

— Мой муж — человек добрый и относится ко мне с почтением. Не говори о нем так.

— Ох, неужто обиделся? Я ведь ничего такого не имел в виду, — поспешно оправдался парень.
— Ладно-ладно, молчу. Это ведь не мои слова, это в деревне за твоей спиной болтают...

Он тут же прикусил язык, поняв, что сболтнул лишнего.

Ли Чжоучжоу нахмурился:

— Кто говорит? И что именно?

Син-гэ'эр попытался отшутиться, но, встретив серьезный взгляд собеседника, сдался:

— Да чепуху всякую. Мол, муж твой телом слаб, худ больно... Я им тогда ответил, что он ученый, и негоже его с нашими мужиками ровнять. А они...

Он замолчал, не решаясь продолжать.

Чжоучжоу и сам мог догадаться: судачили, что Гу Чжао — ученый только на словах, что экзамены ему не сдать, и даже на место сельского учителя он не сгодится, раз ученой степени нет.

— Ты расстроился, Чжоучжоу?

— Нет, — спокойно ответил он. — Муж хочет учиться, и я сделаю всё, чтобы дать ему эту возможность. О том, что будет дальше, я не гадаю. Главное — чтобы он был здоров.

Син-гэ'эр только глаза округлил.

— Только здоров? И у тебя совсем нет желания, чтобы он получил чин и утер всем нос?

Он сам, слушая эти сплетни, едва не лопался от злости. Будь Юаньюань постарше, Син-гэ'эр бы каждый день ему твердил: «Учись, сынок, стань человеком, чтобы отцу не было стыдно».

— Если получится — хорошо, а если нет — так тому и быть, — отрезал Ли Чжоучжоу.

Его друг только диву давался. Неужто слухи правдивы, и Гу Чжао и впрямь безнадежен в науках, раз Чжоучжоу так смиренно об этом говорит? Впрочем, это было не его дело.

Вскоре гость засобирался домой, договорившись выйти завтра еще до рассвета. Син-гэ'эр проводил его до ворот и, вернувшись, заметил, что тот даже не притронулся к семечкам. Весь запас сгрыз он сам, оттого и в горле пересохло.

Дорогой Ли Чжоучжоу всё думал о словах приятеля. Он знал, что в прошлом году имя Гу Чжао попало в списки провалившихся на доске публичного порицания, но для него муж всё равно оставался самым одаренным человеком на свете. Чужие рты не закроешь, но вот эта учеба...

Дома он застал мужа за книгами. Коснувшись чайника, Чжоучжоу понял, что вода совсем остыла. Он решил вскипятить свежей — просидеть весь день за столом неподвижно, так и руки, и ноги заиндевеют.

— Не нужно, — отозвался Гу Чжао, стоило супругу войти. Он перехватил руку Чжоучжоу и, почувствовав холод, тут же принялся её растирать. — Чжоучжоу, какие у тебя руки теплые!

Юноша оставил чайник и позволил мужу согреть свои ладони.

Этой ночью они легли рано. Еще не пропели первые петухи, а Ли Чжоучжоу уже был на ногах. Он развел огонь на кухне, сварил кашу из смеси злаков и разогрел лепешку. Услышав за воротами голос Син-гэ'эра, он прикрыл угли золой — так каша останется горячей к пробуждению отца и мужа, но не пригорит.

Накинув корзину на плечи, он открыл дверь.

— Идем.

Син-гэ'эр закутался так, что носа не было видно, и только кивнул — на таком морозе лишний раз рот открывать не хотелось.

Шли они быстро, по привычке не тратя сил на разговоры. Когда добрались до города, на волосах выступил иней, а солнце только-только показалось над горизонтом.

Син-гэ'эр притопнул ногой:

— Всё, не могу больше. Нужно выпить чего-нибудь горячего, иначе околею. Пойдешь со мной?

— Иди один, я хочу сначала в книжную лавку заглянуть.

— Да в такую рань она небось еще закрыта! Пойдем сначала согреемся, а потом вместе и к книжникам сходим. Я тоже погляжу, что там почем — Юаньюань подрастет, я его тоже учиться отдам. Мой сын не чета деревенским замарашкам.

С этими словами парень потащил Ли Чжоучжоу к рядам с едой. Тот рассудил, что лавка и впрямь может быть закрыта, и не стал сопротивляться.

Они уселись за грубо сколоченный стол. Син-гэ'эр заказал похлебку из потрохов — жирную, наваристую, за четыре мэня. К ней полагалась лепешка, которую можно было крошить прямо в миску. Когда подошла очередь Чжоучжоу, он попросил только чашку горячего соевого молока.

— Да брось ты, — фыркнул его спутник. — Раз уж выбрались в город, поешь по-человечески. Неужто в вашем доме четырех мэней не найдется?

Ли Чжоучжоу только покачал головой. Спутник, зная его упрямство, спорить не стал. Горячее питье мигом разогнало утреннюю сырость, и по телу разлилось приятное тепло.

В книжной лавке Чжоучжоу ориентировался уверенно, Син-гэ'эр же зашел туда впервые и озирался по сторонам с любопытством профана.

— Мне нужно бумаги хорошей, туши, кистей и тушечницу, — покупатель старался выбирать то, что приглянулось мужу в прошлый раз. Тушечницу он решил взять новую — та, что была дома, совсем истерлась от времени.

Приказчик сразу его узнал. Уж больно приметным был этот гэ'эр: пока его муж, бледный и хрупкий ученый, выбирал товары, этот молодец возвышался над ним на полголовы. Такое не забывается.

— Снова для супруга припасы берете? Минутку, сейчас всё соберу.

Работал он споро. Вскоре на прилавке выросла стопка товаров, и приказчик защелкал костяшками на счетах:

— Бумага — сто вэней, тушь — сто пятьдесят...

Син-гэ'эр слушал эти цифры, и глаза его становились всё больше и больше. «Да как же так?! Откуда такие цены? Эта бумага что, золотом шита?»

Ли Чжоучжоу молча отсчитал деньги, но в лице его читалось сомнение. Приказчик, видевший всякое на своем веку, понял, что гость хочет о чем-то спросить, но не решается.

— Желаете узнать что-то еще? — участливо спросил он, упаковывая покупки.

— Хотел спросить... есть ли в городе частные школы? Как туда принимают учеников? И сколько стоит обучение? — юноша выложил все вопросы, которые мучили его с прошлой ночи. Слово «байсю» — плата учителю — он запомнил из рассказов свекрови.

— В городе три школы, и в каждой преподает уважаемый сюцай. В две из них попасть непросто — учитель сам проводит испытание, и если ученик ему не по нраву, ни за какие деньги не возьмет. Там обучение стоит четыре ляна серебра в год. В третьей школе берут три ляна.

— О самом обряде посвящения не скажу, но без уважаемого посредника, который представит ученика учителю, не обойтись.

Видя простую одежду гостей — хоть и чистую, но явно деревенскую, — приказчик добавил:

— Учиться в городе — дело накладное. Помимо платы учителю, нужно тратиться на жилье и еду. Если живете близко, можно ходить каждое утро, но это изнуряет.

Ли Чжоучжоу вспомнил, как быстро устает Гу Чжао, и понял, что этот вариант не годится.

— Снять же небольшой домик в городе обойдется еще в шесть лянов ежегодно...

Поблагодарив приказчика, юноша вышел на улицу. Сердце его сжалось. Всех сбережений в доме было чуть больше десяти лянов, а если прибавить его личные зачатки — набралось бы от силы пятнадцать-шестнадцать. Если затянуть пояса, денег хватит на год. Но муж не может жить в городе один — за ним нужен уход. А если Чжоучжоу поедет с ним, то кто присмотрит за полями и домом? Нельзя взваливать всё на плечи старого отца.

«Нет, не выйдет», — с горечью подумал он. — «Отцу будет слишком тяжело».

Син-гэ'эр, наслушавшись цен в лавке, тоже приуныл. Его мечты об учебе Юаньюаня померкли. Теперь ему стало понятно, почему его друг пожалел четырех мэней на похлебку. Одна кисть стоила как семь мисок жирного супа.

Потрясенный городскими ценами, парень долго молчал. Только когда они дошли до бакалейных рядов и лавок с тканями, он немного пришел в себя. Обычные товары на фоне книжных цен показались ему почти бесплатными, и он, разойдясь, накупил лишнего. Вспомнив, что дома свекровь обязательно устроит допрос за каждую потраченную монету, он даже не заикнулся о том, чтобы пообедать в городе. Ли Чжоучжоу тоже не стремился тратить лишнего, и вскоре, нагруженные покупками, они покинули город.

Когда они вернулись в деревню, солнце еще стояло высоко. Юноша взмок от долгой ходьбы, и стоило ему подойти к воротам, как навстречу выбежал муж. Гу Чжао тут же подхватил тяжелые покупки, которые уже успели натереть Чжоучжоу руки, и хотел было забрать корзину, но тот не позволил.

— Тяжело.

Молодой ученый только вздохнул. Его жена была права: его нынешнее тело было совершенно бесполезным в таких делах.

— Вы с отцом обедали? Если нет, я сейчас быстро что-нибудь соображу. Что муж желает? — Ли Чжоучжоу скинул корзину, и только тут заметил Син-гэ'эра. — Прости, заговорился.

— Ничего, я тоже пойду.

Дорогой Син-гэ'эр думал: «Красив муж у Чжоучжоу, ничего не скажешь, да только серебро ест горстями, а тяжелее корзинки ничего поднять не может. Будь он хоть трижды добрым — проку от такой красоты? Нет, мне такого не надо. Только Ли Чжоучжоу и может носиться с ним как с писаной торбой».

Гу Чжао, не обращая внимания на соседа, заботливо засуетился вокруг супруга. Он видел, как тот устал.

— Не спеши на кухню. Мы с отцом уже поели — я готовил, а он за огнем следил, я-то с дровами пока не в ладах. В котле горячая вода, умойся сначала. Еда на плите, еще теплая.

Он то и дело подбегал к Ли Чжоучжоу: то воды подаст, то горячее полотенце.

— Вот, оботрись пока.

Юноша вовсе не чувствовал смертельной усталости, но, встретив этот полный нежности и сочувствия взгляд мужа, промолчал. Он умылся, и Гу Чжао настоял, чтобы он попарил ноги в горячей воде. Пока Ли Чжоучжоу отдыхал, супруг принес ему обед: жареное мясо с капустой, пышные лепешки и густую кашу.

— Выпей сначала каши, — уговаривал хозяин дома. — Дорога была долгой, горло пересохло.

Чжоучжоу, у которого с самого утра маковой росинки во рту не было, не стал спорить. Он ел быстро, а Гу Чжао подливал ему горячей воды, боясь, как бы он не подавился в спешке.

Когда с обедом было покончено, юноша потянулся к грязной посуде, но муж преградил ему путь.

— Отдохни, Чжоучжоу. Тут всего пара чашек, я сам справлюсь.

Но тот не мог сидеть без дела. Он прошел за мужем на кухню и присел у очага, глядя на огонь. Гу Чжао вымыл посуду и заварил настой на финиках. Обернувшись, он увидел, что супруг сидит к нему спиной, и плечи его мелко подрагивают.

— Чжоучжоу? Что случилось? — Муж бросился к нему. — Тебя кто-то обидел? Что произошло в городе?

Он никогда не видел, чтобы Ли Чжоучжоу плакал. Даже в их первую брачную ночь, когда неопытный и неловкий супруг причинил ему боль, Чжоучжоу лишь тихо терпел, поглаживая его по голове и успокаивая.

Юноша поспешно вытер слезы и попытался сделать вид, что всё в порядке, но Гу Чжао был непреклонен.

— Мы ведь муж и жена, одно целое. Если у тебя на сердце тяжесть — поделись со мной. Видеть твои слезы и не знать причины — для меня это горше любой боли. Скажи мне, милый, что случилось?

Ли Чжоучжоу опустил голову, и голос его дрогнул:

— Муж... в доме совсем мало серебра. Нам не потянуть твою учебу в городской школе... Я не могу оставить отца здесь одного, ему не справиться без помощи.

Гу Чжао ожидал чего угодно, но только не этого. В груди у него разлилась такая щемящая нежность и острая жалость к супругу, что перехватило дыхание. Чжоучжоу так искренне, так беззаветно заботился о его будущем...

— Я знаю, — он осторожно стер слезинку с щеки юноши и заговорил спокойно, уверенно. — Я давно прикинул наши доходы и расходы, поэтому и не думал ехать в город. К тому же я не перенесу разлуки с тобой.

— За этот месяц я привел в порядок все свои старые записи. То, что мне непонятно, я собираю в

тетрадь. После Нового года мы съездим в деревню Дунпин к моему старому учителю, я спрошу совета у него. На худой конец, в деревне Шили живет учёный Чжу. Я наберусь смелости и наведаюсь к нему пару раз. Буду учиться постепенно, своими силами. Ты ведь не сочтешь меня из-за этого бездарем?

Ли Чжоучжоу мгновенно вскинул голову:

— Мой муж — самый талантливый человек на свете!

— Вот и хорошо. Экзамены на степень сиюца проходят дважды в три года. В прошлом году я провалился, в этом — отдыхаю, а следующие будут в будущем году. Но я не стану спешить. Поучусь еще, наберусь знаний и попробую свои силы через раз. У меня уже есть план.

Если бы он знал, что Чжоучжоу будет так терзаться, он бы рассказал об этом раньше. Ему было невыносимо видеть эти слезы.

Услышав о планах мужа, Ли Чжоучжоу наконец успокоился. Ему стало даже немного неловко, что он так разрыдался из-за пустяка.

Этой ночью они легли рано. Масляная лампа еще теплилась, когда Гу Чжао потянулся к завязкам на халате супруга. Он склонился над ним, и в его взгляде юноша прочел такую обжигающую страсть, что у него перехватило дыхание. Муж медленно, бережно целовал его веки, скулы, губы.

— Лампа... — смущенно прошептал Чжоучжоу.

— Я хочу видеть тебя.

Превозмогая стыд, Ли Чжоучжоу обвил шею мужа обнаженными руками, а под одеялом их тела сплелись в единое целое.

В эту ночь страсть была особенно долгой и неистовой. В какой-то момент юноша, не в силах больше сдерживаться, вцепился зубами в край одеяла, и из его горла вырвался тихий, приглушенный всхлип. Но в этот раз это не были слезы печали.